К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЖАНРА ЦИКЛА ОБ АНДЕМИРКАНЕ

Гутов Адам Мухамедович, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), adam.gut@mail.ru

Сказания и песня об Андемиркане – самый большой по объему и один из самых популярных циклов адыгского историко-героического эпоса. В статье впервые делается попытка обобщения всех наиболее значимых публикаций, а также неопубликованных материалов данного цикла и исследований, посвященных ему. Выделяются разностадийные типы сюжетов и мотивов сказаний, устанавливаются особенности отражения исторической действительности в песне и сказаниях, сопоставляются и обобщаются суждения разных исследователей относительно происхождения образа героя и его места в типологическом ряду эпических персонажей. Песня и сказания о данном герое относятся, по общему мнению, к самым ранним образцам циклов позднего эпоса адыгов и содержат многие признаки архаического происхождения. В их числе некоторые мифопоэтические архетипы, а также полисюжетность нарративного цикла, стержневыми опорами для которого оказываются сказания «биографического» плана, как это характерно для эпоса о нартах. Несмотря на это, по большинству существенных признаков цикл Андемиркана принадлежит к эпосу историко-героическому. Однако, учитывая стадийное положение в континууме адыгской героико-эпической традиции, можно признать целесообразным применение к нему рабочего термина «эпос об Андемиркане».

Ключевые слова: архаический эпос, историко-героический эпос, нарратив, сказание, песня, цикл, континуум.

В многообразии адыгских песен и сказаний, относимых к историко-героическому эпосу, цикл об *Андемиркане* (варианты — *Антемиркан*, *Адемиркан*, *Айдемиркан*) занимает особое место. Прежде всего, конечно, обращает на себя внимание внушительное количество и широкая география бытования сказаний и песни об этом герое, представленных и в публикациях, и в архивных рукописных фондах, и в аудиозаписях, причем в большинстве случаев высоко значимых в научном и художественном отношении. Только в собрании рукописных материалов, хранящихся в Фольклорном фонде архива ИГИ КБНЦ РАН варианты песни и сказаний о данном герое, составляют содержимое шести специальных папок с общим количеством в 102 текста [АИГИКБНЦРАН: папки №№ 21-г, 21-д, 21-е, 21-ж, 21-з, 21-и]. Это при том, что нами учтены только материалы основного фольклорного фонда, кроме которого записи, имеющие прямое отношение к нашей теме, могут находиться в лингвистических и этнографических фондах, а также в персональных папках отдельных собирателей. Кроме того, в Фоноvideотеке того же учреждения представлена 41 звукозапись, в т. ч. 16 вариантов песни, с учетом повторных записей, 20 вариантов преданий, 5 записей полного цикла, состоящего из песни и предания [ФВИГИКБНЦРАН]. Надо также принять во внимание беспримерно широкую популярность данного героя: варианты песни и преданий о нем записаны на всей территории исторического проживания адыгов на Кавказе – от восточных окраин Кабарды (моздокские кабардинцы и малокабардинцы) до

Северо-Западной Черкесии (шапсуги и бжедуги). Кроме того, они представлены и в фольклоре зарубежной черкесской диаспоры [Adige...: 25–26; Тыркуем ис ...: 2004: 101, 315–316]. Можно признать с большой долей уверенности, что из всех героев адыгского историко-героического эпоса Андемиркан один из самых известных и почитаемых, а предания и песня, связанные с его именем, наиболее популярные в адыгском мире.

Первое письменное упоминание о данном герое содержится в труде Ш.Б. Ногмова «История адыгейского народа» (рукопись создана в 30-нач. 40 гг. XIX в., впервые опубликована в 1861 г. [Ногмов 1861] и многократно переиздавалась): «От князя Мударафа (исторический князь Мудар Алхасов из ветви князей Джихлахановых; согласно историческим сведениям, умер в 1607 г. – А.Г.) и второй жены его из низшего класса народа (говорят, что ногойского племени) родился князь *Хайдемирхан* (курсив наш – А.Г.). Достигнув совершеннолетия, он участвовал в похождениях Берслана (исторический Беслан Янхотов, праправнук Инала, по прозвищу Тучный, был верховным князем Кабарды в начале XVI в. – А.Г.), но потом, возвратившись, склонил на свою сторону много людей, с коими опустошал соседние племена и даже грабил своих кабардинцев. Такими поступками он вскоре стал всем известен, находился постоянно в бегах у иноплеменников, и кабардинцы, опасаясь от него еще большего вреда, обманом успели вызвать его в Кабарду» [Ногмов 1861: 147].

В первом томе филологического наследия того же Ш.Б. Ногмова (Ш.Б. Ногма), подготовленного к печати Г.Ф. Турчаниновым и вышедшего в свет в 1956 г., представлены два варианта песни о данном герое [Ногма 1956: 11–117]. Имя его в тексте цитированной нами «Истории...» и в фольклорных записях, варьируется (*Хайдемирхан* – *Айдемиркан*), однако сомнений в том, что в обоих случаях речь идет об одном и том же фольклорном персонаже, не возникает. И Беслан Тучный, и Мударафа фигурируют во многих вариантах преданий данного цикла, первый – как антагонист героя, второй – как, по одной из версий, его отец. Здесь налицо переосмысление конкретной формы актуализации архаического мотива: чудесное, идущее от мифа и архаического эпоса, трансформируется в таинственное (в разных версиях герой то внебрачный сын князя, то отпрыск легендарного богатырского рода с морского острова, то сын крымского хана и пр.). Также характерно упоминание об участии героя в славных военных походах кабардинцев, где он проявляет беспримерную храбрость, чем удостоивается чести быть упомянутым в песне при жизни (имя Андемиркана как одного из участников сражения действительно устойчиво присутствует в вариантах мемориально-величальной «Песни о Бахчисарайском походе» [Народные песни... 1986: 51–54]).

Впервые полный цикл, состоящий из песни и предания, имеющего выраженные признаки творческой контаминации, опубликовал в 1872 г. К.М. Атажукин [ССКГ 6: 50–79]. Позднее тексты прозаических сказаний и песни цикла Андемиркана записывались и публиковались многократно вплоть до нашего времени фактически на всех диалектах адыгского языка. С.Ш. Аутлева, автор первого монографического труда об адыгском историко-героическом эпосе, отмечает: «Имя его (Андемиркана – А.Г.) широко известно всем адыгским народностям. Песня и рассказы о нем принадлежат к общеадыгскому пласту фольклора; их хорошо знают во всех уголках Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии» [Аутлева 1973: 31–32]. Этому же мнению придерживаются А.Т. Шортанов [Шортэн 1969: 13–17], З.П. Кардангушев [КъардэнгушI 2002: 5–6], Ш.Х. Хут [Хут 2005: 124] и другие ученые, систематически занимавшиеся записью и изучением историко-героического эпоса адыгов.

Из многочисленных изданий, в которых опубликованы песни и сказания, посвященные Андемиркану или упоминающие о нем, заслуживают в первую очередь быть отмеченными достоверностью текстов, объемом материала и числом сюжетов следующие.

Сборник сведений о кавказских горцах, вып. 6 [ССКГ 6]: это запись, характерная настолько очевидной контаминацией, что публикатор посчитал нужным разбить текст на 5 частей, соответственно числу доминирующих сюжетов; текст дан в переводе на русский язык. *Кабардинский фольклор, раздел III* [КФ: 288–325]: шесть записей сказаний и один текст песни образуют самостоятельную часть раздела в книге; все тексты, за исключением одного, контаминированы, в каждом не менее двух так называемых *элементарных сюжетов* (ЭС), а самая пространная из представленных записей насчитывает 8 ЭС; тексты на русском языке. *Адыгэ Луэрылуатэхэр* (*Адыгский фольклор. На кабард. яз.*), 2 т. [Адыгэ... 1969: 223–338]: представлено 56 текстов, составляющих отдельную часть книги (4 записи – предания с песней, 38 – только предания, 14 – только песенные тексты и ноты), для большинства текстов преданий характерна контаминация; все материалы на кабардинском языке. *Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов*, т. 3, ч. 1 [НПИНА: 80–103]: представлены 4 песенных текста с нотной транскрипцией, выписанные с магнитной ленты, сопровождаемые информацией о предании; материалы на языке оригинала с научно-аналитическим переводом на русский и комментариями. *Андемыркъан. Адыгэ лыхъужь эпос* («Андемиркан. Адыгский героический эпос»); издание подготовлено З.П. Кардангушевым, с вводной статьей и научными комментариями [Андемыркъан 2002]: всего в книге 133 текста, в т. ч. полных циклов (песни вместе со сказанием) – 7, отдельных преданий – 68, вариантов песни – 58; для большинства текстов преданий, публикуемых в данной книге, характерна контаминация, а в вариантах песни нередко разбивка на главы-*едзыгъуэ*; налицо также общая особенность многих песен младшего эпоса адыгов – ослабленный сюжет, приближающий текст к лирике; за исключением нескольких текстов, все материалы даны на кабардинском языке.

Что касается жанровой идентификации, А.И. Алиева предлагает считать цикл об этом герое самостоятельным явлением и называть его эпосом, а не одним из циклов историко-героического эпоса [Алиева: 1975]. Типологически он действительно занимает место между архаическими сказаниями о нартах и циклами из песен и сказаний, событийную основу которых составляют явления и личности, имеющие линейную связь с действительностью, то есть историко-героическими песнями и преданиями. Как по своей поэтике, так и по характеру центральных сюжетобразующих мотивов, цикл Андемиркана, конечно же, ближе к младшему эпосу (органическое единство нарративного прозаического предания с песней, содержащей эмоционально-оценочную реакцию на событие). Но исследователь обращает внимание на ряд параллелей с нартскими сказаниями (например, расположение относительно самостоятельных сказаний по принципу «эпической биографии», свойственной циклам архаического нартского эпоса: *рождение с признаками чудесности* или какого-либо *таинства* – *богатырское детство* – *первый выезд и подвиг* – *обретение богатырского коня и оружия* – *серия сюжетов по принципу нанизывающей композиции* – *героическая гибель*). Помимо того, А.И. Алиева считает, что достоверных сведений о герое недостаточно, чтобы признавать существование его реального исторического прототипа, и поэтому предлагает считать Андемиркана сугубо фольклорным, собирательным вымышленным персонажем, наподобие героев нартского эпоса.

З.П. Кардангушев солидарен с А.И. Алиевой в том, что цикл данного героя представляет собой самостоятельный эпос (подготовленное им издание так и называется: *Андемиркан. Адыгский героический эпос* [КъардэнгъушI 2002]). Но он считает принципиально важным идентификацию прототипа этого героя с личностью реально-исторической [КъардэнгъушI 2002: 6–10]. В пользу последнего суждения он приводит ряд аргументов. Кроме устных сведений, это упомянутое нами выше сведение Ш.Б. Ногмова. Кроме того, он апеллирует к бесспорной реальности существования ключевых персонажей, устойчиво представленных во

множестве вариантов (князя Беслан Тучный, Биту, Канибулат и Асланбек). Все они известны по достоверным историческим сведениям.

В плане типологическом положение Андемиркана как фольклорного персонажа вместе с мотивами и сюжетами, которые устойчиво связываются с ним в устнопоэтической традиции, надо признать особым, медиальным между архаическим и поздним типами эпоса. Это нашло рельефное выражение в образе самого героя, в поэтике цикла, включая структурно-композиционные особенности, поэтическом языке и стиле, характере отношения к действительности. Несомненно, что указанное обстоятельство предопределило несвойственную подавляющему большинству произведений младшего эпоса многосюжетность прозаической части и вхождение в цикл сказаний как реально-былевого характера (что более свойственно младшему эпосу), так и явно мифо-фантастического происхождения.

В своей совокупности сведения, почерпнутые из материалов, опубликованных в различных изданиях, а также хранящихся в виде рукописных текстов и аудиозаписей, достаточны для признания песни и многочисленных сказаний о данном герое не просто одним из циклов адыгского историко-героического эпоса, а самостоятельной единицей. На этом и базируется методологический принцип издания, осуществленного З.П. Кардангушевым.

Характерным для младшего эпоса адыгов считается сочетание одной песни и связанного с ней одного предания [Готов 2009: 136–186], однако цикл о данном герое относится к немногим, в которых прозаический компонент представлен несколькими сюжетами. Причем, большинство сказаний, устойчиво относящихся к нему, закреплены в адыгском фольклоре именно за данным героем. Точный подсчет количества ЭС осложняется тем, что многие варианты, соединяясь в контаминации с другими, обогащаясь и видоизменяясь за счет аккумуляции новых мотивов, настолько отделились друг от друга, что порою не представляется возможным со всей уверенностью установить границу между вариантами одного сказания и самостоятельными сказаниями на одну тему. Все же с долей условности мы можем заявить, что в цикл Андемиркана входит как законченными повествованиями, так и в контаминациях не менее, чем 25 ЭС. Часть из них образует традиционную для архаического нартского эпоса «эпическую биографию» героя: *происхождение и рождение, богатырское детство и первый выезд, обретение коня и богатырского оружия, конфликт с верховным князем Кабарды, женитьба, гибель*. Разумеется, степень популярности их неодинакова, так как тематический цикл не сформировался как единый свод, и сюжеты функционируют автономно, объединяясь только общежанровыми признаками и образом главного героя. В записях представлено, например, более десятка версий сказания о рождении (отпрыск полумифического богатырского племени, сын князя и холопки, княжеской четы, крымского хана, преследуемых правителем беглецов, престарелых родителей и пр.), из которых 3, или даже 4, можно признать не вариантами, а вполне самостоятельными сюжетами. Таким образом, получается целая тематическая группа, состоящая фактически из разных сюжетов. Так же к числу самых популярных следует отнести сюжет о гибели героя, часто бытующий в контаминации с сюжетами о рождении, первом подвиге и конфликте с князем Бесланом. Другую группу образуют сказания на сюжеты автономного характера, логикой повествования они не связаны прямо ни с этапами жизненного цикла, ни между собой; объединяются они фигурой главного героя. Это, например, сказания *о встрече героя с языческим покровителем огня и кузнечного ремесла Тлепшем, о попытке приспешников верховного князя погубить героя, о конфликте с невзрачным на вид стариком, о встрече с эзотерическим существом в образе змея-удава, об установлении подлинной матери, о расправе с жестоким князем* и пр.

В плане типологическом можно выделить группу мотивов, восходящих к архаическим представлениям (*чудесный конь, оружие с исключительными свойствами, фантастически мощный голос как род оружия, языческий персонаж*

бог-кузнец и пр.). Другую группу составляют мотивы позднего происхождения. Таков, например, мотив *письмо-поручение* с предписанием адресату убить подателя, с непременною подменой письма на другое, причем с благополучным исходом: герой не погибает, а женится на красавице.

Обстоятельных исследований, полностью посвященных циклу Андемиркана, всего несколько. Помимо упомянутых работ А.И. Алиевой, З.П. Кардангушева, А.Т. Шортанова и некоторых других, заслуживают быть упомянутыми фрагмент вводной статьи М.Е. Талпы к соответствующему разделу книги «Кабардинский фольклор» [КФ: 150–152] и его же обстоятельные комментарии к каждому публикуемому тексту цикла [КФ: 599–602]. На первый взгляд, они довольно лаконичны и не претендуют на широкие обобщения. С позиций современных научных принципов можно было бы упрекнуть автора в излишнем пристрастии в своих оценках к социально-политическому ракурсу. И хотя это налицо, будет справедливо, если мы примем во внимание тенденции сложного времени 30-х годов XX в. с весьма жесткими установками со стороны властей, – рассматривать всякое явление культуры под пресловутым социально-политическим углом зрения (кстати, даже это не позволило автору избежать репрессий: М.Е. Талпа был арестован и под стандартным надуманным предлогом приговорен к расстрелу [Адыгская энциклопедия: 1045]). Гораздо важнее то, что наряду с неизбежной данью вульгаризации, ученый сумел высказать профессиональную оценку образа героя цикла, провести художественный сравнительно-типологический анализ каждого публикуемого сюжета и образов всех центральных персонажей.

Правоммерно признать, что сказания и песни названного цикла по своим формальным признакам полностью соответствуют тем критериям, которыми характеризуется адыгский историко-героический эпос. Это, прежде всего, принцип циклизации – последовательное изложение событий в прозаическом сказании (обычно это нарратив, представляющий собой контаминацию основных сюжетов «биографического» характера) и непосредственно связанная с ним героико-лирическая песня, функционально призванная выражать эмоционально-оценочную реакцию на явление с использованием сознательно мобилизуемых художественных средств. Наряду с этим, обращает на себя внимание то обстоятельство, что помимо характерной «спайки» песни с сопровождающим ее преданием налицо и другие предания, которые не образуют прямой композиционно-тематической связи с песней, но при этом со всей определенностью имеют отношение к самому герою и устойчиво закреплены именно за ним. Данное обстоятельство, как представляется, побуждает согласиться с суждением А.И. Алиевой и З.П. Кардангушева о том, что не лишено оснований признать за циклом Андемиркана статус отдельного эпоса. Помимо того, что данный цикл явственно выделяется своим объемом и многосюжетностью, он характерен и полистадиальностью входящих в него мотивов. В контексте сказаний, которые образованы на основе реальных или же вполне вероятных событий (например, Астраханский или Бахчисарайский походы, бытовые конфликты с отдельными личностями, социальные противоречия), образующих совокупность доминирующих жанрово-типологических признаков, здесь представлены сказания, восходящие к мифологическим архетипам. Это чудесное рождение, чудесный богатырский конь и соответствующее оружие, связь с языческим божеством Тлепшем,

Как очевидно из нашего обзора, к настоящему времени имеется значительное количество печатных и еще не опубликованных материалов по нашей теме. Налицо также и серьезные исследования. Однако образ Андемиркана и устойчиво связанные с ним мотивы и сюжеты в адыгском фольклоре настолько значительны, что необходимость их более полного ввода в научный и общекультурный обиход, а вместе с этим объективное освещение их роли в истории словесной культуры не вызывают сомнений.

Источники и литература

1. *Адыгская энциклопедия* – Адыгская энциклопедия. М.: Фонд Б.Х. Акбашева, 2006. 1248 с.
2. Адыгэ IуэрыIуатэхэр (Адыгский фольклор). Т. 2. Налшык: Эльбрус, 1969. 412 с.
3. *АИГИКБНЦРАН* – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук. Ф. 12. Оп. 1.
4. *Алиева А.И.* Историко-героический эпос адыгов и его стадияльная специфика. Типология народного эпоса. М.: Наука, 1975. С. 139–161.
5. *Андемыркъан.* Адыгэ лыхъужь эпос. Зыгъэхъэзырар КъардэнгушI З. (Андемиркан. Адыгский героический эпос. Подготовил З. Кардангушев. На кабард. яз.). Налшык: Эльбрус, 2002. 372 с.
6. *Аутлева С.Ш.* Адыгские историко-героические песни XVIII–XIX веков. Нальчик: Эльбрус, 1973. 236 с.
7. *Готов А.М.* Народный эпос: традиции и современность. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2009. 228 с.
8. КъардэнгушI Зырамыку. Пэублэ псалтэ. – Андемыркъан. Адыгэ лыхъужь эпос. (Зарамук Кардангушев. Введение. – Андемиркан. Адыгский героический эпос. На кабард. яз.). Налшык: Эльбрус, 2002. Н. 5–41.
9. *КФ* – Кабардинский фольклор / сост., вступит. статья, вводные статьи к разделам, комментарии М.Е. Талпы. Москва–Ленинград: Academia, 1936. 644 с.
10. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. 3. Ч. 1. М.: Советский композитор, 1986. 264 с.
11. *Ногма Ш.Б.* Филологические труды. Исследовал и подготовил к печати Г.Ф. Турчанинов. Т. 1. Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1956. 308 с.
12. *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора-Бекмурзин Ногмовым. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1861. 181 с.
13. *ССКГ-6* – Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 6. Тифлис: 1872. Отд. II. С. 50–79.
14. Тыркуем ис адыгэхэр. IорыIуатэр. Зэхэзгъэуцагъэр, тедзэным фэзгъэхъазырыгъэр, гушIапэр, зэхэф статьяхэр зытхыгъэр Унэрэкъо Рай. Мыекъуапэ: ГУРИПП Адыгея, 2004. 580 н. (Фольклор адыгов Турции. Составление, подготовка к изданию, предисловие, вводные статьи к разделам – Раисы Унароковой). Майкоп: ГУРИПП Адыгея, 2004. 580 с.
15. *ФВИГИКБНЦРАН* – Фоновидеотека Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.
16. *Хут Ш.Х.* Историко-героический эпос адыгов. Майкоп: ГУРИПП Адыгея, 2005. 164 с.
17. *Шортэн Аскэрбий.* Хэзыгъэгъуазэ. Адыгэ IуэрыIуатэхэр. II том. Налшык: Эльбрус, 1969. Н. 3–18 (Шортанов А.Т. Введение. Адыгский фольклор. II том. Нальчик: Эльбрус, 1969. С. 3–18).
18. *Adiqe yedjener* (Lecture Circassienne). Damas, 1929. N. 68.

ON THE DEFINITION OF THE GENERAL CYCLE ON ANDEMIRCAN

Gutov Adam Mukhamedovich, Doctor of Philology, professor, chief researcher of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), adam.gut@mail.ru

Tales and a song about Andemirkan is the largest in volume and one of the most popular cycles of the Adyghe (Circassian) historical-heroic epic. For the first time, an attempt is made to summarize all the most significant publications, as well as unpublished materials of this cycle and studies devoted to it. Different-dadial types of plots and motifs of legends are distinguished, the features of the reflection of historical reality in the song and legends are established, the judgments of different researchers regarding the origin of the hero's image and its place in the typological series of epic characters are compared and generalized. The song and the legends about this hero belong, in the general opinion, to the earliest examples of the cycles of the

late epic of the Circassians and contain many signs of archaic origin. Among them are some mythoeptic archetypes, as well as the polysubject of the narrative cycle, for which the legends of the “biographical” plan turn out to be the pillars, as is typical for the epic about the Narts. Despite this, according to most of the essential features, the Andemircan cycle belongs to the historical and heroic epic. However, given the staged position in the continuum of the Circassians heroic-epic tradition, it can be recognized as appropriate to apply to it the working term «epic about Andemirkan».

Keywords: archaic epic, historical-heroic epic, narrative, legend, song, cycle, continuum.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-3-42-180-186